

Финка. — Баку. — 10.01. — Задек. — 6.5

Литературная гостинная «Вышки»

Даже трудно представить себе: Есенину — скоро 100... А он для всего человечества подготовка к юбилею, который будет отмечаться по решению ЮНЕСКО во всем мире. Большую работу в этом направлении проводят Всесоюзное есенинское общество «Радуница», в работе которого деятельное участие принимает автор предлагаемого очерка, москвич Эдуард Хлысталов. Читатели «Вышки» уже знакомы с его очерком «Последнее любовное письмо Айседоры [«Вышка», 12 октября], а теперь, надеемся, с интересом прочтут новую работу этого известного исследователя жизни и творчества великого поэта.

Направляя в редакцию «Вышки» свой очерк «Выстрел на кладбище», Э. Хлысталов обращается с просьбой к читателям нашей газеты — подключиться к поиску новых материалов.

НЕМ 3 декабря 1926 года на Ваганьковском кладбище в Москве, у могилы русского поэта Сергея Есенина, редкие прохожие видели одиличную фигуру скромно одетой молодой женщины. Словно скорбное изявление, стояла она перед небольшим холмиком и зимой укрытым живыми цветами. Сколько мучительной боли выражали ее влажные глаза, какая фатальная решимость была написана на ее лице. Все проходили мимо, никто не остановился, не придал особого внимания этой женщине, потому что на кладбище все грустны и молчаливы, и приходят сюда, чтобы отдать долг памяти родным и близким.

Потом женщина достала пачку папирос «Мозаика», закурила. Нашелся листок бумаги. Она быстро набросала записку. Прикурила от окурка вторую папиросу. Вновь задумалась. Наконец, она решилась окончательно. На коробке от папирос набросала несколько слов...

Вскоре прозвучал пистолетный выстрел. От его звука вспорхнули на голых деревьях недовольные вороньи, закаркали отчаянно на всю округу, полетели немногим и по одной стали садиться на прежнее место.

Осторожно пригнувшись, прячась за памятники и железные ограды, к месту выстрела подобрался кладбищенский сторож. У могилы Есенина, прямо на снегу, лежала женщина в клетчатом кепи и темном поноженном пальто. Она слегка стонала. Сторож расправился во весь рост и побежал к церкви поднимать тревогу. Из кладбищенских домов появились любопытные. Кто-то помчался к ближайшему милиционному посту звать на помоху. Всю окрест тяжелораненой образовалась толпа.

Скоро прибыла милиция, приехала и медицинская бригада «Скорой помощи». У тяжелораненой женщины были найдены документы на имя Галины Артуроны Бениславской. Подняли записку:

«3.XII.1926. «Самоубийца» здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и сбесившее мнение, которое у Сосновского на поводу».

Умирающую Бениславскую срочно повезли в больницу. Кто-то поднял с земли коробку из-под папирос «Мозаика». На ней самоубийца перед роковым выстрелом написала несколько слов:

«Если финка будет вонзинута после выстрела в могилу — значит даже тогда я не жалела. Если жаль — заброшу ее далеко. 1 осечка».

Потом ходили разговоры, что осечек было несколько.

Зато прозвучавший выстрел оказался точным. По дороге в больницу Галина Бениславская скончалась. Повозка развернулась, и тело покойной повезли на Пироговку в анатомический театр.

В комнате Бениславской были найдены рукописи Есенина, его письма к покойной, ее дневник и «Воспоминания о Есенине», напечатанные на пишущей машинке. Несомненно, все эти документы представляли огромную ценность, но властям Есенин был ненавистен. Союз писателей не проявил к ним внимания. Все документы попали в частные руки, и позже биографы поэта собирались по крохам. Дневник Бениславской попал за границу. Не сомневаясь, что среди архива Бениславской были произведения Есенина, до поры не известные читателям.

В конце концов «Воспоминания о Есенине» оказались в архиве ЦГАЛИ и в течение десятилетий не выдавались исследователям творчества поэта. Только два года назад мне удалось ознакомиться с этими воспоминаниями, снять ксерокопии директор архива запретила, пришлось переписывать от руки...

Кто же такая Галина Бениславская, какую роль она играла в жизни великого русского поэта и почему покончила с собой на его могиле? Обратимся к документам.

Знакомство Бениславской с Есениным относится к осени 1920 года. Она в «Воспоминаниях» писала: «Есенина

лов, проливающих свет на трагические загадки жизни и смерти поэта.

«Сергей Есенин написал в Азербайджане свои лучшие произведения, азербайджанский народ оказал ему радушное гостеприимство, — подчеркивает Э. Хлысталов, — видимо, в республике еще живы люди, которые встречались в 20-х годах с Есениным, слушали его стихи, знают какие-то подробности его биографии. В архивах КГБ республики, возможно, сохранились некоторые документы из досье поэта...»

Автор и редакция «Вышки» будут весьма признательны читателям и всем организациям за любую новую информацию о великом русском поэте.

под жестокими глазами 29-летний начальник секретно-оперативного отдела МЧК Соломон Мессинг, которого в конце 30-х годов самого расстреляли, как врага народа.

Дело Есенина было направлено в народный суд. Судебное заседание было назначено на 31 марта. Получив повестку, Есенин срочно скрылся из Москвы в Харьков и возвратился оттуда только в апреле. Суд назначили повторно на 3 мая. Погэт из Москвы уехал к себе в село Константиново. Когда же судья распорядился доставить Есенина в суд силой, он 8 июля уехал на Кавказ (сведения из протокола допроса Есенина в деле № 18155, лист дело 79—80. Архив КГБ СССР).

Но не нужно думать, что ВЧК оставило в покое Есенина в январе 1920 года по этическим и моральным соображениям. 15 января 1920 года председатель ВЧК Ф. Дзержинский распорядился прекратить применение расстрелов по приговорам ВЧК и всех ее местных органов (Дзержинский Ф. Э., изд. 3-е, т. 1, стр. 199—200).

Но после возвращения в Москву, 18 октября Есенин все же был арестован в квартире поэта Александра Кусикова (Арбат, Б. Афанасьевский переулок, дом 30, кв. 5) и посажен в тюрьму на Лубянке. Ряд биографов поэта предполагает, что данный арест Есенина был случайным, при очередной проверке документов.

Это ошибки. Личности Кусикова и Есенина были хорошо известны чекистам. Они ворвались в квартиру Кусикова под предлогом проживания в ней белогвардейца — молодого человека Рубена Кусикова.

Освобожден был Есенин под поручительство международного террориста Якова

Блюмкина. Вот этот документ показывает, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к... Спекулянты и шарлатаны!

Почувствовала, что это скорее страшно, а не радостно. Во всяком случае было ощущение чего-то рокового. И еще — значит кто-то из них (Есенин или же) несчастен. А я уже тогда любила Есенина, так же, как и потом всю жизнь и, увы, не могла радоваться несчастью человека, близкого ему, даже если на этом строилось мое счастье. Смешно и страшно, но я до самой могилы — романтик при всей моей внешней рассудочности и при всем моем «цинизме», как это называет Яна».

Вскоре Бениславская и Есенин стали близкими. Он много работал над своими стихами. В апреле поэт уехал в Ташкент, возвратился в Москву примерно 10 июня 1921 года. В ночь на 11 июня на улицах Москвы были расклеены прокламации: «Имажинисты всех стран, соединяйтесь! Всеобщая мобилизация поэтов, живописцев, актеров, композиторов, режиссеров и друзей действующего искусства № 1. На

на кладбище

видела я в первый раз в жизни в августе или сентябре в Политехническом музее на вечере всех литературных групп. Кто-то читал стихи, и в это время появились Марленгоф и Есенин в цилиндрах. Есенину цилиндр — именно, как корове седло. Сам небольшого роста, на голове высокий цилиндр — кинематографическая фигура... Вдруг выходит тот самый мальчишка (Есенин, — Э. Х.): короткая, нараспашку куртка, руки в карманах брюк, совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув голову и стан, начинает читать:

Плюйся, ветер, охапками листьев, — Я такой же, как ты, хулиган...

Он весь стихия, озорная, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, а в каждом движении стиха. Гибкий, буйный, как ветер, о котором он говорит, да нет, ветер? Ветру бы у Есенина признать удали. Где он, где его стихи, и где его буйная уда — разве можно отдельить? Все это слилось в безудержную стремительность, и захватывают, пожалуй, не так стихи, как эта стихийность.

Думается, это порыв таковой с дождем, когда капли не падают на землю и не могут, даже не успевают упасть.

Или это упавшие желтые осенние листья, которые не терпеливой рукой треплет ветер и они не могут остановиться и кружатся в водовороте...

Или это пламенем костра играет ветер и треплет, и рвет его в лохмотья, и беспощадно треплет эти самые лохмотья...

Или это рожь перед бурей, когда под вихрем она уже не пригибается к земле, а кажется вот-вот сорвется с корня и понесется неведомо куда...

...Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакали с мест и бросились к эстраде, и к нему. Ему не только кричали, его молили: «Прочтите еще что-нибудь!». И через несколько минут, подойдя уже в меховой шапке с собольей оторочкой, по-ребячески прочитал еще раз «Плюйся, ветер...».

Опомнившись, я увидела, что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня... Эти полуторы недели прошли под гипнозом его стихов».

Анализ архивных документов дает нам уверенность утверждать, что Бениславская описывает вечер в Политехническом музее 19 сентября 1920 года.

Судьба было угодно свести двух совершенно разных людей: поэта Сергея Есенина, 25 лет, сначала принявшего революцию, а потом вознавидевшего руководство страны, и сотруднику ВЧК, чле-

на партии, 23-летнюю Галину Бениславскую.

Нужно отметить, что ВЧК уже зацепила Есенина на крючок. 11 января 1920 года в кафе «Домино» был вечер выступления поэтов перед публикой. В кафе собрались молодые изысканные, биржевые спекулянты, советские и партийные работники, сотрудники ВЧК, все те, кто в любое тяжелое время жил в свое удовольствие.

«Нас, молодых, выдигающихихся поэтов из Пролеткульта, пригласили читать стихи в «Домино»... Когда мои товарищи читали, я с беспокойством смотрел на них и на публику. Они робели, старались читать лучше и оттого читали хуже, чем всегда,

— вспоминал Н. Г. Полетаев, — а публика, эта публика в мехах, награбленных с голодного населения, лениво побалтывала ложечками в стаканах дрянной кофе с сахарином и даже перегоранием, никого не стесняясь. Мне пришлоось читать предпоследнему. После меня объявляют Есенина. Он выходит в меховой куртке, без шапки. Обычно ульбается, но вдруг неожиданно бледнеет, как-то отодвигается спиной к эстраде и говорит:

— Вы думаете, что я вышел читать вам стихи? Нет, я вышел затем, чтобы послать вас к... Спекулянты и шарлатаны!

Публика повскакала. С места. Кричали, стучали, налезали на поэта, звонили по телефону, вызывали «чеку». Нас задержали часов до трех ночи для проверки документов. Есенин, все так же ульбаясь, веселый и изволнованный, притворно возмущался, отчаянно размахивал руками, стискивал кулаки и наклоняя голову «бычком»... Он был доволен.

Но улыбался Есенин недолго. Против него было возбуждено уголовное дело № 10035. Это первое дело против Есенина, которое совсем недавно было обнаружено в московском архиве.

Я не одобряю выходку Есенина в кафе «Домино», большую, но не только удачу его несдержанности, но нужно иметь в виду, что в это время даже вожди большевиков употребляли нецензурную брань в публичных выступлениях, когда на улицах Москвы дрожали от холода тысячи беспризорников, когда на вокзалах лежали вповалку на полу тифозные больные вместе с трупами, когда...

Квадратицкий, как особо опасное преступление, представляется откровенной глупостью. Этот поступок поэта мог быть рассмотрен работниками милиции, а не ВЧК. Инициатором привлечения к уголовной ответственности был комиссар ВЧК некто Шейкман, который потом ушел из Есенина. К делу Есенина привлекли сотрудники МЧК товарищ Тизенберг, комиссар МЧК А. Рестин и невысокого роста, всегда непрятный, с лысым черепом и болезненными мешками

Блюмкина. Вот этот документ:

«Подпись. О поручительстве за гр. Есенина Сергея Александровича обвиняемого в контрреволюционной деятельности за 1920 год от 25-го числа подписавшийся Яков Григорьевич Блюмкин, проживающий по гостинице «Савой» № 136 беру на поруки гр. Есенина и под личной ответственностью ручаюсь в том, что он от суда и следствия не скроется и явится по первому требованию следственных и судебных властей.

Подпись поручителя Я. БЛЮМКИН.

25.Х.20 г. Москва. Парл. билет ЦК Иранской Коммунистической партии».

Подчеркнутое вписано рукой Блюмкина в бланк, отпечатанный на пишущей машинке. Правописание подлинника. — Э. Х.».

Как арест отразился на моральном состоянии Есенина, можно узнать из его письма от 4 декабря Иванову-Разумнику: «Дорогой Разумник Васильевич! Простите, ради Бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытию. Так все неожиданно и глупо вышло. Я уже собрался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня-то огорчило, оскорбило, и мне долго пришлось вытряхивать...».

Но вернемся к «Воспоминаниям» Бениславской:

«...Ноябрь 1920 г. Утро. Я

работаю у себя на службе.

Напротив сидит Кр-ко. (Наверное, — Крыленко. — Э. Х.)

Телефонный звонок.

Яна: «Слушай, могу сообщить приятную тебе весть?

Оказывается, Есенин разо

менился, как говорится, упало

сердце. Я обозлилась, обру

воскресенье, 12 июня с. г. назначается демонстрация искателей и зачинателей нового искусства...».

В листовках первым организатором этой акции был назван Сергей Есенин. Утром организаторы парада и митинга были задержаны и доставлены на допрос. Можно не сомневаться, что Есенин не имел к печатанию листовок никакого отношения. Более того, так, как написана листовка, поэт не писал. Но на допросе почему-то ответственность взял на себя.

Летом 1921 года Есенин вновь был арестован сотрудниками ВЧК. На этот раз операцией руководил бывший бандит, а при Советской власти член Президиума ВЧК Тимофей Самсонов. Без всяких оснований Есенин задержал отряд чекистов и посадил на Лубянку...